

ВОСПОМИНАНИЯ

В.Н. ИВАНОВСКИЙ

Начну с внешней истории моей жизни. Я – сын учителя греческого языка в Нижегородской духовной семинарии. Родился 13 июля 1867 г.; отец умер в 1874 г., мать в 1878 г. Воспитывался с двумя сестрами и братом в семье отца матери; в детстве видел и перенес много тяжелого. Начал давать уроки и репетировать с 15 лет.

С 1876 по 1885 г. учился в I Московской гимназии. В 1885 г. поступил в Московский университет на историческое отделение историко-филологического факультета; постепенно стал переходить от истории к философским наукам. Будучи на втором курсе, я начал внимательно штудировать «Систему логики» Дж. Ст. Милля; в 1888 – 1890 гг. слушал лекции проф. М.М. Троицкого по логике и психологии (преподавание профессоров Н.Я. Грота и Л.М. Лопатина). В октябре 1890 г. окончил испытания в Государственной испытательной комиссии и получил диплом I степени.

В 1891 – 1892 гг. давал частные уроки и читал очень внимательно ряд сочинений по психологии: сочинения А. Бэна во французском переводе («Чувства и интеллект», «Эмоции и воля»), «Основания психологии» Г. Спенсера, сочинения проф. М.М. Троицкого (особенно его «Науку о духе») и др.

Когда я читал «Науку о духе», я с волнением обратил внимание на то, что все, что, как мы говорим, мы познаем и знаем, складывается в нас по естественным, природным законам, и что тот образ «действительности», какой мы создаем, есть продукт этих законов. Конечно, реальность независима от нас (я всегда был настроен материалистически); однако, тот образ, какой мы имеем о реальности, составляется нами в зависимости от всех условий, влияющих на наше мышление.

Тот образ реальности, какой имеет в своем уме дикарь, так же объясняется материалами и условиями его возникновения, как и научная картина мира. Всякое познание есть закономерный, естественный процесс природы, и надо изучить этот закономерный механизм познания.

Конечно, продукты познания не все равноценны; одни грубы и, при анализе, распадаются и опровергаются новыми наблюдениями, опытами и размышлениями; другие более стойки. Но полная истина есть идеал, пока еще не достигнутый: всякая истина есть предпоследняя, и сзади нее может оказаться более глубокое соотношение элементов.

В свете этих мыслей я стал изучать то, что сделано уже в области механизма познания; и тут остановился на важном, хотя и элементарном факте связывания, ассоциирования элементов познания. Постепенно я пришел к мысли заняться разбором проблемы ассоциаций.

По моему мнению, надо было вновь поднять вопросы об элементарных состояниях познания – те, какими занимались, с одной стороны,

Локк, Беркли, Юм, а с другой — Фихте, Шеллинг, Гегель. Только надо было избежать скептических выводов Юма (и частью Беркли) и познавательной мифологии Фихте и Гегеля.

Отсюда и вышла моя работа об ассоцианизме, имевшая столь несчастную судьбу. Наряду с ней я имел в виду сделать пересмотр других форм познавательного процесса, в частности — всех основных моментов логического процесса.

С 1893 по 1896 г. я служил секретарем редакции журнала «Вопросы философии и психологии». Журнал этот был задуман в 1889 г. Н.Я. Гротом в виде беспартийного альманаха и сначала действительно не имел никаких спиритуалистических тенденций. Однако проф. Грот вел его так беспринципно, так мало над ним работал (у Н.Я. Грота была одна всепоглощающая страсть — женщины), что для меня довольно скоро выяснилась невозможность принести пользу, работая в журнале; и весной 1896 г. я отказался от места его секретаря. Н.Я. Грота отличали необузданная чувственность, неустойчивость мысли и воли, какая-то наивная самовлюбленность, всегда поражавшие меня легкомыслие и непоследовательность. Н.Я. Грот описал сам себя в статье «Секрет творчества» в 17-й книжке «Вопросов философии и психологии». Н.Я. Грот не имел в философии никаких определенных, выработанных воззрений. У него все решало настроение момента. От этого его «воззрения» совершенно нельзя было принимать всерьез.

В это время мне удалось получить работу по новому переводу «Системы логики» Дж. Ст. Милля; в то же время я стал энергично пополнять пробелы своего философского образования и стал готовиться к испытаниям на степень магистра философии. Постепенно, в процессе работы над переводом «Системы логики», мне стала выясняться основная односторонность Милля: его сенсуализм. Милль все проблемы логики сводит к одной — к процессу обобщения (индукция и дедукция); но он не изучает, не исследует самого обобщаемого материала, считает его сразу готовым, ставит его на одну доску с элементарными чувственными состояниями, что, конечно, неверно.

В 1896 г. держал экзамены на магистра философии Юрий Петрович Бартенов, сын члена Совета Министерства народного просвещения и издателя «Русского архива». Юрий Петрович был человек совершенно неспособный, до крайности ленивый. Когда на первом же экзамене ему пришлось отвечать, какие основные принципы всего сущего признавал Аристотель, он, подумав, ответил: «материю... и движение». После такого ответа его экзамены были прекращены.

Осенью 1896 г. Н.Я. Грот сказал мне: «Держите экзамен на магистра. Я уверен, что у Вас не прилипнет язык к гортани, как у Бартенева». В декабре 1896 г. тяжело захворал мой дед, в семье которого я жил после смерти отца и матери; в конце февраля 1897 г. он скончался, а с апреля того же года я засел за подготовку к испытаниям на магистра.

Это было жуткое для меня время. Переводом «Системы логики» Милля, чтением лекций по психологии на Педагогических женских курсах

(по 6 руб. за лекционный час) я зарабатывал 120 руб. в месяц. На эти деньги мы больше двух лет жили с моим братом, только что окончившим медицинский факультет Московского университета и бесплатно работавшим в московской Басманной больнице.

Кроме того, я много работал в качестве секретаря Московского психологического общества, секретаря и редактора изданий Комиссии для организации домашнего чтения; вел и другие работы, — и переутомился до такой степени, что через два года я ни о чем не мог начать думать без головной боли и тошноты.

Центральный кружок Психологического общества состоял из университетских философов — Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, С.Н. Трубецкого, В.П. Преображенского, А.С. Белкина и др., из психиатров: С.С. Корсакова, А.А. Токарского, А.Н. Бернштейна, С.А. Суханова, Н.Н. Баженова, Г.И. Россолимо, Н.П. Постовского и др.; из ученых разных специальностей (зоолог Н.А. Иванцов, математики — Н.И. Шишкин, П.В. Преображенский и др.), затем из ряда лиц, посторонних университету.

Я прямо не выносил спиритуалистического религиозного блудословия, которое иногда раздавалось в Психологическом обществе. И главное, — что все это было крайне легкомысленно: люди шли по какому-то шаблонному течению, без самостоятельного убеждения (у большинства). Л.М. Лопатин был человек убежденный, Вл. С. Соловьев тем более. Но Грот и еще кое-кто были просто поверхностные люди, не говорившие, а «болтавшие» что придется. Они роняли научный престиж ученого общества.

Я тогда был, как я уже сказал, к несчастью, еще недостаточно начитан, недостаточно «учен», чтобы начать с ними открытую борьбу. Я боялся, что они меня закидают ученостью, ссылками на авторитеты.

Общий тон частных собраний, происходивших обычно после заседаний Психологического общества в отдельном кабинете трактира Тестова на Театральной площади, всегда поражал меня тем, что участники их — люди высокообразованные, проявляли такое равнодушие к тем общественным проблемам, которыми в основном (часто не смея открыто выступать) жил и дышал я. Грот, Трубецкой почти не бывали на таких трактирных собраниях; очень редко, в свои приезды в Москву, появлялся на них Вл. С. Соловьев.

Два слова о нем. Вл. С. был, несомненно, идейным центром «религиозной» группы русских философов. Он вышел из среды московского либерального славянофильства и примыкавшей к нему группы духовенства. Визионер, фантаст — он был глубоко убежден в том, что (как он однажды выразился) в основе мир не таков, каким он кажется чувствам: в основе его лежит духовное начало. В своих «Трех встречах» он описал свои визионерские свидания с воплощением женственного мирового начала — с «Софией», мировой мудростью. Когда он решил, что эта «София» требует от него поездки в Египет, он отправился в Каир, и, выйдя из города к пирамидам, встретился с группой арабов, принявших его за черта (он был одет во фрак, и фалды фрака арабы приняли за хвост черта). В другой раз, когда Вл. С. ехал в лодке где-то около Неаполя, он решил,

что «морские черти» требуют от него выкупа, и стал бросать в море мелкие монеты. Лодочник стал отнимать у Вл. С. деньги и едва не утопил его, приговаривая, что — чем бросать деньги в море, лучше их отдать ему.

Схема общественного порядка у Вл. С. была по сути буржуазной и носила характер довольно бледного либерализма. Царь, первосвященник и «пророк» (представитель общественного мнения, публицист, парламентарий) — таковы были три основные силы общества. В вопросах экономических, в своих отношениях к социализму Вл. С. не занимал ясной и отчетливой позиции.

Вл. С. обладал большим юмором. Однажды, когда я сидел за секретарской работой в редакции «Вопросов философии и психологии», Вл. С. заехал за мной и позвал меня завтракать все в тот же трактир Тестова. По дороге мы с ним заехали за В.П. Преображенским (в Городскую управу, где тот работал в отделении смет и отчетов). За завтраком Вл. С. рассказывал схему рассказа, пришедшего ему в голову в этот день.

Вот эта схема. Н.Я. Грот живет будто бы на даче под Москвой, в Петровско-Разумовском. Там же живет разведенная жена московского вице-губернатора Екатерина Ивановна Баратынская, прикосновенная (как и Н.Я. Грот) к толстовским изданиям «Посредника», а также несколько рядовых «толстовцев». Толстовцы эти нередко упоминают о Гроте: «пойдем к Гроту», — говорят они. Полиция, следящая за ними, решает, что дело идет о том гроте около озера в Петровско-Разумовском, в котором Нечаев с товарищами убили когда-то студента Иванова, и подозревает, что готовится новое преступление. Толстовцы заходят иногда в этот грот, но вовсе не с преступными целями. Наконец, всех арестуют. В приговоре стоит: «Профессора Грота, по ошибке принятого за тот грот, в котором был убит студент Иванов, от суда и следствия освободить, строжайше предписав ему, однако, быть впредь более осторожным. Екатерину Ивановну Баратынскую выписать из мест, населенных губернаторами и вице-губернаторами».

В ноябре 1897 г. я сдал первый магистерский экзамен, а в декабре 1898 г. последний. Одновременно с работой по сдаче этих испытаний, я читал все, что мог достать по вопросам марксизма. Особенно сильное впечатление произвела на меня плехановская книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», затем книга Ленина (В. Ильина) «Развитие капитализма в России» и разные статьи Ленина в журналах «Новое слово» и «Начало» («Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» и др.). Целый поток новых точек зрения, новых фактов и теорий нахлынул на меня. Я просиживал нередко ночи, читая и обдумывая прочитанное.

В 1899 г. я прочел в факультете две пробных лекции, а летом того же года получил звание приват-доцента философских наук. На 1900 и 1901 гг. мне была назначена Министерством народного просвещения стипендия для заграничной поездки (по 100 р. в месяц). В марте 1900 г. я выехал из Москвы. Летний семестр этого года я провел в Берлине, а в августе перебрался в Париж, где тогда была открыта Международная выставка.

В Берлине я слушал лекции Паульсена (по психологии), Штумпфа (по истории философии), Зиммеля и еще нескольких приват-доцентов — не только из интереса к содержанию их лекций, но и для практики в понимании немецкой речи.

В Париже я посещал много курсов в Коллеж де Франс, в Сорбонне, в Высшей нормальной школе, в Школе политических наук (зимой 1900 — 01 гг.). Осенью 1901 г. я перебрался в Англию.

В Англии я жил сначала в Лондоне, потом несколько месяцев на южном берегу, близ городка Борнемуса, а затем в Оксфорде. Живя на южном берегу Англии, я наконец выправил свое здоровье, подорванное многими годами сверхсильной работы. Переехав с южного берега Англии в Оксфорд, я там стал заниматься в прекрасной библиотеке Бодли.

Весною 1902 г. я вернулся в Париж. Зимой 1902 — 03 гг. я читал лекции в парижской Вольной русской школе, послужившие зачатком моих позднейших курсов «Введения в философию». В эту зиму в Париж приезжал В.И. Ленин, прочитавший в Вольной школе прекрасную лекцию — помнится, по аграрному вопросу в России.

В начале лета 1903 г. я вернулся в Россию, сначала в Москву, а затем с января 1904 г. перебрался в Казань приват-доцентом с правом чтения обязательных для студентов курсов. С весеннего семестра 1904 г. я начал преподавать в Казанском университете, где читал обычно «введение в философию», психологию и историю новой философии, а в течение нескольких лет также и педагогику.

1904 г. прошел незаметно в усиленной работе над читаемыми курсами и в занятиях со студентами. На зимние каникулы 1904 — 05 гг. я поехал в Москву, а оттуда в Петербург — повидать кое-кого из старых московских друзей, перебравшихся на работу в северную столицу.

В Петербург я попал на другой день после 9 января 1905 г. Я видел телеги с трупами, которых везли по Невскому на кладбища, видел и всей душой переживал общее негодование.

С января 1905 г. меня охватил порыв революционного настроения: я отдался агитации среди студенчества, читал лекции рабочим (на Алафужовском заводе в Казани, в казанских клубах — смешанной публике; и везде проводил мысль о необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть со старым порядком, с царским режимом.

При этом я исходил в моих революционных настроениях не столько из партийных, специфически пролетарских, социалистических точек зрения, сколько из отвлеченных идей социальной справедливости и социального мира. В этом была слабость моей позиции: в ней было еще слишком много остатков интеллигентского гуманизма; оказалось, что мало было познакомиться с идеями социализма, проникнуться симпатией к трудящимся: надо было еще глубоко отождествить себя с этими трудящимися. Этого я тогда сделать не был в состоянии.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство уволило всех профессоров, назначенных противозаконно министром Кассо, в том числе и проф. Ягодинского. Историко-филологический факультет

Казанского университета поручил проф. Александру Дмитриевичу Гуляеву указать желательного кандидата на вторую кафедру философии. А.Д. Гуляев указал на меня, а 6 мая 1917 г. представил в факультет заявление. В том же заседании факультета с поддержкой моей кандидатуры выступил проф. Е.Ф. Будде. И, наконец, моя кандидатура была поддержана «младшими» преподавателями факультета (приват-доцентами), вошедшими в факультет с заявлением. Кандидатура моя прошла очень хорошо как в факультете, так и в Совете университета, и я стал исполняющим должность ординарного профессора. Мне в это время было уже 50 лет.

В сентябре 1917 г. я приехал в Казань, чтобы возобновить преподавание в университете после пятилетнего перерыва. Через месяц грянула Великая Октябрьская революция. События одно другого значительнее ежедневно волновали до глубины души. Однако, в университете работа не прекращалась; студенты усердно работали. Профессора и преподаватели читали на множестве образовательных, популярных курсов.

Летом 1918 г. я принял приглашение перейти на кафедру в новооткрытый Самарский университет, где вскоре был выбран в ректоры. В Самарском университете я работал три года — вплоть до большого голода 1921 года, когда вынужден был искать другого места для работы, так как в Поволжье жить стало очень тяжело.

Я получил место в только что открывшемся университете — Белорусском (в Минске), и с октября 1921 г. начал в нем чтение лекций. В Минске я работал шесть лет — с 1921 по 1927 г., когда по расстроенному здоровью вышел в отставку, получив персональную пенсию.

Выйдя в отставку, я имел в виду последние годы моей жизни провести в каком-нибудь крупном университете, читая (по-прежнему на правах приват-доцента) необязательные курсы, в которых я хотел подвести итоги умственной работы за всю мою деятельность. В 1928 г. я переехал в Ленинград. Однако, к глубокому моему сожалению, мне не было разрешено начать там преподавание, и труд всей моей жизни начал плесневеть и разрушаться. Мне пришлось взять место библиотекаря на Ленинградской сельскохозяйственной опытной станции (в 4 км от станции Сиверской).

Оттуда я в 1933 г. переехал в г. Пушкин (тогда Детское село), где живу и сейчас.

С 1935 г. я, по приглашению Института философии Всесоюзной Академии наук, работаю при этом Институте, выполняя — по договорам — отдельные его задания. Я написал для коллективной «Истории философии» статью о патристической философии, а с 1936 г. работаю над переводом, с латинского и французского языков, сочинений Декарта.

Источник:

Центральный Московский архив-музей личных собраний.

Фонд. 66. Опись 1. Дело 8.